

[Рец. на: / Review of:] **Ю. В. Иванова, М. В. Шумилин (ред.) Науки о языке и тексте в Европе XIV—XVI веков.** М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 632 с. [Yu. V. Ivanova, M. V. Shumilin (eds.). *Nauki o yazyke i tekste v Evrope XIV—XVI vekov* [Language and text studies in Europe from the 14th to the 16th c.]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhIGS, 2016. 632 p.]. ISBN 978-5-7749-0954-4.

Любовь Ивановна Жолудева

Liubov I. Zholudeva

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Российская Федерация;
l.zholudeva@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
119991, Russian Federation;
l.zholudeva@gmail.com

В 2016 г. вышла в свет коллективная монография под редакцией Ю. В. Ивановой и М. В. Шумилина «Науки о языке и тексте в Европе XIV—XVI веков». Авторы исследований, положенных в основу этой книги, отобрали и перевели с латинского на русский язык и издали, тем самым вводя их в научный обиход, фрагменты малоизвестных, ранее не публиковавшихся с комментариями¹ (или вовсе не публиковавшихся в современную эпоху²) текстов эпохи Возрождения. Речь идет о тех филологических сочинениях, которые, снижав популярность среди современников, затем по разным причинам оказались обделены вниманием последующих поколений и, как следствие, сейчас практически неизвестны не только в нашей стране, но и на своей родине.

Так, к примеру, труды итальянских гуманистов, написанные на латыни и посвященные изучению античного наследия, гораздо реже упоминаются (а тем более изучаются), чем труды тех же гуманистов, написанные на народном языке и посвященные перспективам его развития. Так называемый «кризис XV века» — временное угасание интереса к родному языку — в XVI в. сменился повышенным вниманием к нему, вследствие чего с «парохода современности» оказались сброшены многие труды на латыни, где речь шла об античной метрике и риторике, о принципах издания текстов классиков и их комментировании, о знаковых системах в широком смысле слова (от аллегорий до иероглифики), о родстве языков (пусть своеобразно понимаемом). Та же участь постигла популярные грамматические сочинения и весьма любопытные образцы ренессансной литературной критики. Вместе с тем принципы работы с текстом, сформировавшиеся в эпоху Возрождения, ничуть не утратили актуальности на фоне роста интереса к народным языкам. В определенном смысле смена научной парадигмы в ренессансной филологии заключалась не столько в сдвиге от изучения античности к защите и прославлению новых европейских языков, сколько в качественном изменении методов изучения языка и текста. Образцы ренессансной научной мысли, которым посвящена данная монография, — наглядное свидетельство этого процесса.

Переводы научных текстов XIV—XVI вв. снабжены подробным комментарием, вписывающим труды ренессансных авторов в научный и социокультурный контекст эпохи. Каждая глава книги открывается вступительной статьей к переводимому тексту, где он охарактеризован с позиций современной филологической науки и истории гуманитарной научной мысли.

¹ Как в случае с письмом Джованни Боккаччо к фра Мартино да Синья (гл. 14), предисловием и комментарием Дени Ламбена к Горацию и еще несколькими текстами (см. сноску 7 на с. 9).

² Речь идет о комментарии Александра Гегия к «Доктриналу» Александра из Вильдье (гл. 5), «Диатрибе о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера (гл. 6), комментарии Анри Этьена к Эсхилу (гл. 11), предисловию Иоганна Людвиг Праша к «Эмблематическому катехизису» (гл. 19) и других текстах. Полный список дан в сноске 8 на с. 9.

Первая часть монографии посвящена языковым проблемам и их трактовке в трудах Поджо Браччолини, Джованни Понтано, Эразма Роттердамского, Андреа Гварны, Александра Гегия, Конрада Геснера и Иосифа Юста Скалигера. В отрывках из «Застольных бесед» (гл. 1, автор перевода, комментария и вступительной статьи П. В. Соколов) Поджо Браччолини рассуждает на важную для итальянского XV в. тему: была ли латынь общим языком древних римлян, или же ученые мужи и простонародье говорили на разных языках? Как и другой, популярный уже в XVI в., вопрос о том, как следует называть народный язык Италии, такая постановка проблемы лишь на первый взгляд кажется надуманной. Итальянские гуманисты были склонны к поиску ответов на вызовы современности в прошлом, во многом мифологизированном; они как будто двигаются вперед с лицом, обращенным назад, в славные времена античности. Но на самом деле от ответа на этот вопрос зависело то, насколько настойчиво будет насаждаться латынь в качестве языка элиты или же, напротив, как скоро удастся «отполировать» народный язык.

Трактат-диалог Джованни Понтано о латинской метрике (гл. 2, М. В. Шумилин), который довольно быстро оказался в числе забытых ренессансных сочинений, примечателен тем, что некоторые из сформулированных в нем идей были подхвачены современниками и попали в авторитетные тексты, такие как «Поэтика» Юлия Цезаря Скалигера. Достаточно упомянуть тот факт, что именно Понтано впервые ввел в обиход термин «аллитерация» (наряду с другими, в итоге не прижившимися, терминами).

Стилистическое руководство Эразма Роттердамского «Об изобилии слов и предметов» (гл. 3, С. А. Степанцов) — яркий пример ренессансного трактата, насаждающего идею богатства средств выражения и одновременно предостерегающего от опасностей, связанных со стремлением разнообразить свою речь. В отличие от средневековых авторов, добивавшихся пресловутой *copia* путем бесконтрольного умножения парных синонимов, параллельных конструкций и интерлинейных глосс, латинисты эпохи Возрождения обязаны были учитывать стилистические отличия между синонимами, законы сочетаемости и, не в последнюю очередь, примеры правильного узуса, представленные в сочинениях классиков.

«Грамматическая война» Андреа Гварны (гл. 4, С. Хаутала) — нестандартное грамматическое описание, некогда весьма популярное (выдержало более ста переизданий); по-видимому, беллетризованная манера изложения не только не мешала современникам Гварны воспринимать суть, но и выполняла мнемоническую функцию. Грамматическая структура латыни здесь представлена в форме рассказа о войне между двумя близнецами, правителями царства Грамматики, — Глаголом и Существительным, каждый из которых претендует на первенство во фразе. Борьба вербоцентризма с номиноцентризмом получила остросюжетной и насыщенной событиями: части речи выстраиваются в боевом порядке, коварные цари плетут интриги (склоняют причастие каждый на свою сторону), в битвах часть глаголов теряет формы и превращается в недостаточные, а часть существительных меняет пол, дабы успешнее участвовать в обороне. В итоге — благодаря вмешательству авторитетных судей-грамматистов — побеждает дружба и устанавливаются правила взаимодействия частей речи во фразе.

Сочинение Александра Гегия (гл. 5, М. В. Шумилин), критикующего модистов, построено как инвектива против «Обучения школяров» Псевдо-Боэция (XIII в.). Однако, как отмечается во вступительной статье, Псевдо-Боэций оказался заведомо уязвимым оппонентом, ведь его труд Гегий анализирует с позиций лингводидактики, в то время как «Обучение школяров» не являлось учебником классической латыни и не претендовало на роль практического пособия, раз и навсегда объясняющего, «как правильно». Комментируя примеры употребления грамматических форм, Гегий всякий раз подчеркивает бесполезность учения о модусах для изложения и объяснения базовых правил грамматики, в особенности если речь идет о преподавании латыни подрастающему поколению. Примеры перемежаются довольно язвительными комментариями, например: «Почему итальянцы не учат мальчиков модусам обозначения, если не потому, что дети им слишком дороги, чтобы вбивать им в голову такие бесполезные и вредные вещи?» (с. 150). Автор главы присоединяется к негативной

оценке Гегием модистов, которые, впрочем, пережили и критику в эпоху Возрождения, и длительное забвение и были реабилитированы современными историками языкознания [Godfrey 1960; Bursill-Hall 1963; 1971; 1976]. Вот пример критики модистов со с. 142: «Понятно, насколько спорна эта теория как с точки зрения функциональной (...), так и с точки зрения содержательной (такая «философия языка» подразумевает, по сути дела, существование некоей универсальной грамматики, общей для всех языков)». Забегая вперед, заметим, что желание вступить за модистов возникает и на с. 479, где им пеняют, в частности, на то, что они видят семантическую подоплеку в распределении существительных по родам (речь идет о связи рода с признаком активности / пассивности субъекта). Однако эта идея в свете недавних исследований (см., к примеру, [Маньков 2004]) представляется не такой уж абсурдной. Отдавая должное солидарности автора статьи с ренессансными лингвистами, мы все же остаемся при мнении, что критическое осмысление языковой доктрины модистов бывает более плодотворным, когда исследователь исходит из современной, а не ренессансной системы взглядов на язык (ср. [Kelly 1971; Swiggers 1988]).

В главе 6 (М. В. Шумилин) приводятся отрывки из «Митридата» Конрада Геснера и «Диатрибы о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера. «Митридат» представляет собой одну из ранних и довольно любопытных попыток системно описать разнообразие языков мира, а также дать некоторым языкам качественную характеристику. Так, Геснер отмечает, что различия между современным ему греческим языком и древнегреческим не менее глубоки, чем различия между латынью и романскими языками; что английский язык (предком которого он считает валлийский) в ходе своего исторического развития испытал сначала англосаксонское, а затем французское влияние; что все языки, за исключением древнееврейского, самого древнего языка, содержат примеси. Сочинение Геснера продолжает средневековую традицию иерархического деления языков на священные и варварские — «испорченные» и «смешанные». Среди «священных» первенство принадлежит древнееврейскому, а звание «самого славного у других народов» — греческому, языку Нового Завета. Иосиф Юст Скалигер в своем сочинении более подробно останавливается на проблеме родства и классификации языков, что делает его одним из предшественников сравнительно-исторического направления в языкознании. Несмотря на то, что сама по себе идея родства языков и их исторической изменчивости встречалась и в сочинениях других авторов той эпохи, классификация Скалигера стала одной из наиболее ранних и успешных попыток обобщить то, что было известно лингвистам Возрождения.

Вторая часть монографии включает отрывки из писем, предисловий, комментариев и примечаний к изданиям, авторы которых — Антонио да Леньяго, Иоанн Кальфурний, Андреа Наваджеро, Марк-Антуан Мюре, Дени Ламбен, Анри Этьен. Эти отрывки объединяет общая тема — изложение принципов и методов работы с текстом в процессе его подготовки к публикации. Ренессансная текстология, использовавшая опыт работы с рукописями, в XV—XVI вв. не просто превратилась в самостоятельное направление в рамках филологии: возможно, именно в этой области ренессансные ученые-гуманитарии совершили самый значимый прорыв, открыв новую страницу во взаимоотношениях «исследователь — текст».

Вступительные статьи к опубликованным в монографии документам фактически представляют собой экскурс в историю текстологии, где показаны основные вехи ее развития в эпоху Возрождения (гл. 7, 8, М. В. Шумилин; он же автор и всех остальных глав второй части). Особое место в этой истории отводится Альду Мануцию и появлению альдинского стандарта научного издания (гл. 9). Тандем филолога (центральный персонаж гл. 9 — филолог Андреа Наваджеро), готовившего текст к печати, и издателя, не боявшегося новшеств в оформлении (формат *in octavo*, шрифт, получивший название «италического»), обеспечил «альдинам» не только коммерческий успех, но и роль прообраза современной книги.

Подготовка текста к изданию сопровождается сравнением и обсуждением рукописных, а позднее и печатных источников. В этом отношении представляют интерес дошедшие до нас свидетельства, такие как вступление и комментарии Марка-Антуана Мюре

к комедиям Теренция, где фиксируются и объясняются издательские правки на основе четырех рукописей и инкунабул (гл. 10).

Глава 11 посвящена практике издания древнегреческих текстов в XVI в. Опыт, накопленный издателями латинских классиков, пригодился ренессансным эллинистам. Многие произведения греческих авторов в результате были впервые опубликованы с применением принципов критического издания. Впрочем, не обошлось и без полемики. В главе приводятся отрывки из предисловий к изданию трагедий Эсхила. Эта книга интересна тем, что ее совместно подготовили к публикации сторонники двух текстологических школ: «французской» (Пьер Веттори) и «полициановской» (Анри Этьен). Оба издателя опирались на несколько рукописей, но при этом последователь Полициано, определив лучшую рукопись, учитывал и данные остальных, тогда как сторонник французской школы выступал за использование рукописи-архетипа с минимальным количеством издательских правок. Однако и в том и в другом случае мы фактически наблюдаем ранний этап формирования стемматического метода.

В главе 12 приводится предисловие Дени Ламбена к первому изданию комментариев Горация. Ламбен, представитель французской текстологической школы, известен как издатель Лукреция, Горация, Плавта, Корнелия Непота, греческих авторов, а также собственных сочинений. В предисловии к изданию Горация Ламбен уделяет большое внимание тонкостям орфографии. В соответствии с ренессансными тенденциями он стремился к восстановлению оригинальных, античных вариантов написания, что должно было стать частью реконструкции латыни, способствовать ее возвращению к идеализированному античному стандарту.

Третья часть монографии посвящена ренессансному опыту изучения литературных текстов. В главе 13 (В. Г. Мостовая) опубликован перевод отрывков из греческого пересказа-толкования «Одиссеи». Этот текст, относящийся к XIV в., был опубликован в XVIII в. как анонимное сочинение, но впоследствии атрибутирован византийскому историку Никифору Григоре. Пересказ адресован молодым читателям, которые, по замыслу комментатора, должны извлечь из «Одиссеи» нравственный урок. С этой целью Григора прибегает даже к таким сомнительным приемам, как исправление оригинала в соответствии со своими представлениями о нравственной пользе.

В главе 14 (М. В. Шумилин) рассматривается теория буколики как аллегорического жанра в трудах Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо. Здесь в центре внимания оказывается трансформация восприятия и использования аллегории в художественном тексте. Если прежде, со времен поздней античности, аллегория была средством «вчитывания» смыслов в текст независимо от того, были ли они в него изначально вложены автором, то начиная с эпохи Возрождения аллегория все чаще становится интеллектуальной игрой и одновременно секретным кодом, отделяющим элиту от непосвященных. В латинском творчестве Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо жанр аллегорической буколики некогда занимал особое место. Впрочем, такие произведения настолько насыщены зашифрованными смыслами, непонятными даже большинству современников поэтов (не говоря уже о современных читателях), что они пополнили ряды забытых произведений, как только миновала мода на аллегорическую поэзию на ренессансной латыни. В главе приводится комментарий Петрарки к буколике Вергилия, а также отрывки из писем Петрарки и Боккаччо, содержащие примеры интерпретации «посвященными» причудливых аллегорий.

В главе 15 (М. В. Шумилин, Н. Е. Самохвалова) речь идет о традиции комментирования «Энеиды». В эпоху позднего средневековья получили распространение комментарии, начинающиеся с так называемых *accessus*'ов — особым образом построенных введений. Под влиянием изучения Аристотеля авторы введений порой совмещали вводную информацию о тексте, его авторе и содержании с интерпретацией произведения с позиций четырех аристотелевских первопричин. В таком философском духе написано первое из вступлений, приведенных в главе, *accessus* Дзона де Маньялиса к «Энеиде». С XV в. на смену традиции *accessus*'ов приходит гуманистический подход к интерпретации текста. Так, Франческо Филельфо, второй герой главы, вместо формализованного подхода к составлению введения прибегает к толкованию в духе ренессансной аллегорезы.

В главе 16 (М. В. Шумилин) опубликованы отрывки из «Смеси» Анджело Полициано. В важном для эпохи споре о подражании Полициано выступал противником цicerонианства — направления, которое обрело наибольшее количество сторонников среди итальянских гуманистов. Однако и ему был свойственен гуманистический элитаризм: метод Полициано как в текстологии, так и в работе над художественным языком подразумевал расширение кругозора, будь то сравнение нескольких рукописей или чтение писателей второго ряда, ведь именно так можно сознательно отобрать лучшее.

Полициано, как и многим его современникам, было не чуждо стремление к поиску скрытых смыслов в широко известных текстах: это была еще одна сфера, где комментатор мог продемонстрировать свою эрудицию. Подобно критикам эпохи постструктурализма, Полициано порой предлагает неожиданные и даже эпатажные варианты интерпретации классических произведений — таких, например, как стихи Катутла о воробушке Лесбии. Комментарий превращается в своеобразную игру с текстом, а текст — в многомерное пространство, калейдоскоп смыслов, что наглядно демонстрируют отрывки из «Смеси».

Предмет четвертой части монографии — ренессансная герменевтика, а именно работы, посвященные иероглифике и эмблематике, которые расширили представления европейцев о знаковых системах различного типа и предвосхитили интерес к эмблемам, кодам и загадкам, характерный для европейского барокко.

В главе 17 (М. В. Шумилин), посвященной «Иероглифике» Пиерио Валериано, описан подготовительный этап дешифровки египетских иероглифов. Задолго до Шампольона европейские и арабские исследователи шли к их разгадке, сопоставляя древнеегипетское и коптское письмо и выдвигая предположения о фонетическом значении отдельных знаков. Пиерио Валериано рассматривает иероглифическое письмо как своего рода первичный алфавит, в основе которого лежит «естественное соответствие» между изображением и понятием. Он видит в иероглифах одновременно и фонетическое значение (оно успешно восстановлено для нескольких знаков), и символический смысл, что в конечном счете уводит его в сторону от научно понимаемой египтологии.

В главе 18 (Н. Ю. Чамина) приводятся отрывки из «Иконологии» Чезаре Рипы — труда, благодаря которому сам термин «иконология» вошел в исследовательский лексикон еще в конце XVI в. Интерес к таким знаковым системам, как иероглифическое письмо и мода на аллегории, к середине XVI в. вызвал появление энциклопедий, где были собраны изображения, за которыми успело закрепиться то или иное значение. Такие кодексы аллегорий были востребованы среди художников, скульпторов, поэтов и других представителей творческих профессий, стремившихся воплотить замысел в форме продуманной комбинации образов, мотивов и аллюзий. «Иконология» Рипы имела огромный успех — не в последнюю очередь благодаря удобной организации (расположение аллегорий по алфавиту и по группам). При жизни автора труд издавался пять раз, на протяжении XVII в. — 18 раз, в XVIII в. — 15 раз, что само по себе говорит о его соответствии духу времени и, применительно к XVI в., новаторстве.

Тема главы 19 (П. А. Серкова) — немецкая эмблематика XVI—XVII вв. Язык эмблем, как отмечается в статье, в это время становится феноменом европейской культуры, существующим независимо от политических и лингвистических границ; не случайно в девизах и прочих вербальных элементах эмблем используется латинский язык, обеспечивающий универсальность образа. Эмблематика, как и язык аллегорий в литературе, выполняет функции кода, знакомого интеллектуальной элите и недоступного для непосвященных.

Если в XVI в. издателями «книг эмблем» были преимущественно гуманисты, то в XVII в. инициатива переходит к духовному сословию. В эпоху Контрреформации к языку эмблем прибегают и католические духовные орденa, и протестантские проповедники. В 1683 г. вышел «Эмблематический катехизис», в предисловии к которому Иоганн Людвиг Праш обосновывал пользу эмблем для наставления в вере людей из разных социальных слоев. Для простых и малограмотных верующих особенно важно наглядное восприятие абстрактных истин, тогда как для интеллектуально искусных эмблема может стать отправным пунктом

религиозных размышлений и пищей для ума. В главе опубликованы отрывки из предисловия Иоганна Фишарта к книге эмблем, отрывки из книги Георга Филиппа Харсдерфера об искусстве смыслообразов и часть послания Иоанна Людвиг Праша, предвещающего «Эмблематический катехизис».

Представив содержание монографии, позволим себе высказать несколько соображений и критических замечаний, возникавших у нас неоднократно в процессе чтения и относящихся скорее к принципам составления книги, нежели к отдельной статье или разделу. Открывая книгу, озаглавленную «Науки о языке и тексте в Европе XIV—XVI веков», читатель не ожидает, что Европа сожмется приблизительно до границ Священной Римской империи. Даже французские гуманисты, герои второй главы, попадают в поле зрения авторов в той мере, в которой они вовлечены в культурную орбиту ренессансной Италии. Когда третья часть монографии открывается статьей об этическом истолковании Гомера византийцем Никифором Григорой, приходят на ум и другие тексты подобного рода, не попавшие в книгу, например, «Библия Франциска Скорины» — перевод, дополненный предисловиями и послесловиями толковательного и назидательного характера. Учитывая роль Скорины, вдохновленного примером Альда Мануция, в развитии книгопечатания в Восточной Европе, его вполне можно было бы представить себе одним из героев монографии (наряду со многими другими неитальянскими гуманистами), если бы не языковой критерий отбора материала (переводы с латыни), неизбежно сужающий панораму. Неохваченными остались и английские позднесредневековые и ренессансные авторы, хотя, к примеру, Николай Тривет, комментатор Сенеки, или английский первопечатник и переводчик Уильям Кэстон, с нашей точки зрения, могли бы оказаться в одном ряду с итальянскими и немецкими гуманистами. Остается надеяться, что исследования, начатые авторами монографии, получат продолжение.

Досадным представляется и то, что среди наук о языке и тексте весьма скромное место отводится грамматикографии. На наш взгляд, эта дисциплина заслуживает как минимум особого раздела в монографии, посвященной наукам о языке и тексте, ведь именно на протяжении XV—XVII вв. происходит эволюция античного грамматического канона, который сначала адаптируется для описания новых европейских языков, затем становится фундаментом для описания неевропейских языков в эпоху Великих географических открытий, а в конечном счете ложится в основу представлений об устройстве языка, которые сейчас воспринимаются как данность [Kosarik 2015: 171—172]. Лингвистические сочинения, послужившие предметом исследования в главах 4 и 5, несомненно, весьма оригинальны, но на общем фоне выглядят скорее как боковая ветвь развития лингвистической мысли. И снова остается сожалеть, что за пределами исследования осталась часть ренессансной Европы — на этот раз западная, в XVI—XVII вв. фактически перехватившая инициативу в том, что касалось развития взглядов на язык. Испанские и португальские лингвисты, чьи труды по большей части не переведены на русский, немало сделали для смены парадигмы в лингвистике и ее превращения в подлинно научную дисциплину. Несмотря на то, что не все историки языкознания признают целесообразным говорить о развитии лингвистических идей в терминах теории научных революций (специфика наук о языке накладывает некоторые ограничения на применение терминологии Куна [Percival 1976; Косарик 1995]), несомненным представляется то, что на исходе Средневековья в теории и практике описания языка происходят важнейшие качественные изменения. Возможно, авторы монографии сознательно не включили в нее грамматики и лингвистические трактаты Возрождения, детальное рассмотрение которых потребовало бы существенно увеличить и без того внушительный объем книги.

Цикл исследований, составивших основу монографии, позволяет под новым углом взглянуть на развитие гуманитарного (в первую очередь филологического) знания в эпоху Возрождения. В отличие от естественных наук, переживших в XVI—XVIII вв. подлинную революцию, гуманитарные области развивались скорее поступательно. И текстология, и герменевтика, и литературоведение в том или ином виде существовали и в более ранние эпохи, и их превращение в действительно научные дисциплины происходило планомерно

и «мирным путем». Тем интереснее наблюдать, как в трудах, рано преданных забвению или кажущихся периферийными, постепенно кристаллизуется научный подход к исследованию языка и складываются новые методы работы с текстом. Ренессансная идеология возврата к античным истокам европейской культуры заставляет обращаться к огромному массиву античных текстов, требующих осмысления. Это, наряду с развитием книгопечатания, выводит на новый методологический уровень как прикладные, так и далекие от практического применения филологические исследования.

Памятники гуманитарной научной мысли, переведенные и описанные в монографии, прекрасно иллюстрируют по меньшей мере один из векторов развития наук о языке и тексте в XIV—XVI вв. — вектор, кажущийся нам одним из важнейших для этой области знания. Речь идет о формировании нового представления о тексте и языковом знаке: представления о них как о самостоятельных и уникальных сущностях, приглашающих к беседе, требующих специфических навыков восприятия и вознаграждающих добросовестного исследователя особого рода интеллектуальным удовольствием, похожим на радость от свободной и самоценной интеллектуальной игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Косарик 1995 — Косарик М. А. К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы — связь эпох // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 5. С. 104—116. [Kosarik M. A. To the problem of tradition and innovation in the history of linguistics. Renaissance and Modern linguistic paradigms: Connection between the two epochs. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*. 1995. No. 5. Pp. 104—116.]
- Маньков 2004 — Маньков А. Е. Происхождение и эволюция категории рода в индоевропейских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004. [Man'kov A. E. *Proiskhozhdenie i evolyutsiya kategorii roda v indoevropeiskikh yazykakh. Kand. diss.* [The origin and evolution of the category of gender in the Indo-European languages. Cand. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2004.]
- Bursill-Hall 1963 — Bursill-Hall G. L. Mediaeval grammatical theories. *Canadian Journal of Linguistics*. 1963. Vol. 9. No. 1. Pp. 39—54.
- Bursill-Hall 1971 — Bursill-Hall G. L. *Speculative grammars of the Middle Ages. The doctrine of partes orationes of the Modistae*. The Hague: Mouton, 1971.
- Bursill-Hall 1976 — Bursill-Hall G. L. Some notes on the grammatical theory of Boethius of Dacia. *History of linguistic thought and contemporary linguistics*. Parret H. (ed.). Berlin: De Gruyter, 1976. Pp. 164—188.
- Godfrey 1960 — Godfrey R. G. The language theory of Thomas of Erfurt. *Studies in Philology*. 1960. Vol. 57. No. 1. Pp. 22—29.
- Kelly 1971 — Kelly L. De modis generandi: Points of contact between Noam Chomsky and Thomas of Erfurt. *Folia Linguistica*. 1971. Vol. 5. No. 3—4. Pp. 225—252.
- Kosarik 2015 — Kosarik M. A. Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência — contribuição dos filólogos portugueses. *Confluência. Revista do Instituto da Língua Portuguesa*. 2015. Vol. 49. Pp. 162—200.
- Percival 1976 — Percival W. K. The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics. *Language*. 1976. Vol. 52. No. 2. Pp. 285—294.
- Swiggers 1988 — Swiggers P. Aristotle and the Modistae. Grammatical categories and human conceptualization. *Topics in cognitive linguistics*. Rudzka-Ostyn B. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 621—647.